

11 июля 1984

Ярослав СМЕЛЯКОВ:
«...подчеркнутая простота, даже якобы нарочитая небрежность Лисянского — результат раздумий, поисков, результат труда».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Марка ЛИСЯНСКОГО

дружбы не знаю! И там же, через несколько страниц:

Друзей не легко находят,
Терпят их как-то вдруг.
...Но и войны не под силу
Им временем, ни тоской,
Ни даже солдатской могилей
Разрушить союз людской.

Тут голос поэта как бы начисто освобожден от литературы и невольно приходит на ум отзыв Ярослава Смелякова о первой книге Лисянского, где маститый уже тогда мастер верно угадал некоторые особенности почерка тогдашнего дебютанта (мнение поэта о поэте всегда интересно, тем более если речь идет о Ярославе Смелякове — человеке, как известно, скупом на

порую просветленно-вышненными, порую глухо-печальными, но всегда достоверными.

Ведь существенным недостатком творчества иных поэтов является как раз некая разболтанность стиха, которую принято называть лирической раскованностью. Но не должна ли раскованность проявляться в свободном развитии мысли, в свободной интонации, не ломающей себя в угоду размеру или рифме? Чаще же всего мы встречаемся с композиционной размытостью, с неясностью замысла, с явно затянутой завязкой, с необязательной, случайной концовкой.

Не однажды писалось, что нынешние читатели тянутся к документальной литературе. Может быть, это прозвучит непривычно, но, по глубокому моему убеждению, лирика тоже может быть документальной (хотя понятия «лирика» и «документ» вроде бы несоединимы). Но практика поэтов подтверждает эту, на первый

сту и времени строки из путевого дневника Лисянского («Я по свету немало хаживал» — сказано было когда-то не зря). Его стихи «Москва — Тюмень», «Сибирь», «И у меня есть Дивный город...», «На моем судостроительном», «Воркута», «Тында» — не просто дань индустриальной тематике: нет, та же биография, совпадающая с биографией страны так точно, что зазора не сыщешь. И в этом же ряду — «В городе Днепро-дзержинске», одно из самых сильных, на мой взгляд, стихотворений в сегодняшней русской гражданской поэзии.

С детства приучают нас помнить добро. Память добра в творчестве Марка Лисянского как бы смыкается с гимном дружбе. Он благодарен первой учительнице, белому парусу Южного Буга, Ярославу Смелякову, одобрявшему и ободрявшему в довоенной «Литературке» молодого поэта («Обо мне уж не напишут так, как он тогда писал»).

К чему это я? Да все к тому, что поэзия наша прикоснулась, казалось бы, ко всему — от икон старинного письма до синхрофазотрона, а открытых простых слов, от которых становится легче, ей зачастую так не хватает!

Поэзия М. Лисянского обращена к человеческому сердцу.

И человеческие сердца благодарно откликаются на сочувственный голос поэта.

Передо мной неопубликованная стенограмма — выступление Михаила Светлова по случаю 50-летия Марка Лисянского (в 1963 году). Я позволю себе процитировать его почти целиком — так оно по-светловски значительно и интересно:

«В своей, довольно долгой, жизни я встречался со многими людьми. Очень часто с людьми талантливыми, значительно реже с людьми благожелательными и совсем редко с людьми, одновременно и талантливыми, и благожелательными.

Марк Лисянский относится к самому редкому виду.

В чем выражается эта благожелательность? Сколько я его помню, он никогда не хотел быть впереди товарищей. Он всегда хотел быть рядом с ними!».

Марк Лисянский продолжает свое поэтическое дело. Новые его стихи так же молоды, как те, что сочинял он давным-давно заводским парнишкой, бегущим на завод в первую смену по Сенной улице...

Эмил ЯНВАРЕВ

г-р НИКОЛАЕВ

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ

ЖИЛ Я тогда в совхозе, в далеком Узбекистане, бегал босиком, купался в быстрых, мутных арыках. Однажды кто-то сказал, что в школе выступит офицер. Лечился в госпитале, возвращался на фронт и на денек заехал к родичам. И вот упросили его выступить перед нами, школьниками. Мы, зарюванные, сидели за партами, а этот офицер, как я сегодня понимаю, совсем юный румяный парень, которого уверенным делала военная форма, спрашивал нас:

— Знаете, ребята, что поют сейчас на фронте? И неожиданно запел:

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках,
в окопах, в тайге...

Мы слушали, не шелохнувшись. Потом бросили переписывать слова. Потом попросили офицера спеть еще раз, и уже вместе с ним упоенно почти выкрикивали:

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

В те годы я искренне полагал, что песня рождается сама собой. Если бы кто-то сказал мне тогда, что после войны судьба сведет меня с Марком Лисянским, что мы даже окажемся земляками, что он будет читать мои стихи и делать карандашные пометки на полях рукописи, это, наверное, показалось бы мне не

меньшим чудом, чем сама песня.

А ведь так оно и случилось!

И вот не спеша, как это бывает только в южных городах, мы идем с Лисянским под тополями и акациями Николаева, и он, волнуясь, говорит, что встретится сегодня со своей первой учительницей Галиной Марковной, и мы сворачиваем на Советскую и покупаем цветы для женщины, которая, будучи математиком, открыла когда-то для николаевского хлопца Блока и Маяковского, Есенина и Багрицкого.

— А вчера я целый день провел с Володей Ищенко, — говорит Марк Самойлович, как говорят о корешах детства. А я сразу вспоминаю:

Володя Ищенко,
Товарищ милый,
Мой самый старый друг!
Прошли года,
Мы наше детство
все-таки любили,
О нем мы вспоминаем
иногда.

У каждого поэта есть излюбленная тема, к которой он возвращается постоянно. Есть она и у Лисянского. Это тема приязни. К друзьям, к землякам, к однополчанам, к родному городу. Сравнительно недавно поэт признался: «От друзей отказаться — от себя отказать...» Но исток этой темы — в ранних его стихах. Уже в сборнике «От имени Черного моря» находим: «Ничего выше

ТАЛАНТА

похвалы); «Стихи Лисянского обладают одним неоспоримым достоинством: естественностью, каким-то мальчишеским (но не инфантильным) восприятием мира. Причем его естественность — вовсе не пресловутая «свежесть», о которой вспоминают по поводу почти всех молодых поэтов и без которой вообще немислим способный молодой человек, идущий в литературу, — нет; подчеркнутая простота, даже якобы нарочитая небрежность Лисянского — результат раздумий, поисков, результат труда».

И далее о некоторых понравившихся ему строках Смеляков замечает, что они произнесены «без ложной патетики, без ощутимых усилий, без позы...»

Именно так — без ложной патетики и позы — поэт поворачивает перед нами все новыми и новыми гранями выстраданную тему дружбы, человеческих связей, а в конечном итоге — тему человечности, противостоящей философии отчужденности и некоммуникабельности. Причем с годами все более углубляя эту тему, обогащая трогательными интонациями — раздумчивыми,

взгляд, кощунственную мысль.

У нас на памяти знаменитые песенные слова: «У Черного моря прошло мое детство, в Москве я учился и жил, работал на Буге, рыбачил на Волге, в Ростове солдатом служил». Я воспринимал их как обычную поэтическую условность, пока однажды Марк Лисянский не признался:

— А ведь эта строфа строго биографична. Я ничего не придумал, хотя, казалось бы, где и придумывать, как не в песне.

Когда читаешь у него:

Я нынче закончил работу,
Которую делал годы,
И первое, что подумал
В пронзительной тишине:
Работу мою не увидят
Ни Саша, ни Бума,
ни Леша,
Ни Костя,
ни мама моя...

— то сразу понимаешь, что все это не просто лирические персонажи, а действительно жившие на земле люди, и от сознания этого проникаешься доверием ко всему, что говорит автор.

Точно так же документально прикреплены к ме-